

Проценко Николай Петрович

**ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ И ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ КАК ДВА ПРИНЦИПА
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЛАСТИ**

Статья посвящена специфике рассмотрения феноменов власти и государства в школе мир-системного анализа И. Валлерстайна и его последователей. Противопоставление территориалистской и капиталистической стратегий власти позволило исследователям этой школы создать оригинальную теорию макросоциальных изменений, преодолевающую линейно-стадиальный подход к истории в марксизме и классических теориях модернизации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/39.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. III. С. 151-154. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

7. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1984.
8. **Парсонс Т.** Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998.
9. **Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова.** 4-е изд., испр. и доп. М., 1997.
10. **Федоркин Н. С.** Ценностные ориентации власти как интегрирующий фактор социального знания // Полис. 2001. № 2.
11. **Философский энциклопедический словарь.** М., 1997.

PUBLIC AUTHORITY IDEOLOGICAL ENVIRONMENT NOTION AND STRUCTURE

Sergei Yur'evich Poyarkov, Ph. D. in Pedagogy

Department of Political Science and Sociology
Stavropol' State University
psu@land.ru

In the article public authority ideological environment notion and structure are determined on the basis of system approach methodology. This environment acts as ideological factors totality determining public authority structural and functional integrity and also public authority's ability to preserve its qualitative specificity. Ideological environment formalization takes place in the form of public authority ideology.

Key words and phrases: politics; public authority; ideology; ideological environment; system; triad; idea; value; principle.

УДК 101.1:316

Статья посвящена специфике рассмотрения феноменов власти и государства в школе мир-системного анализа И. Валлерстайна и его последователей. Противопоставление территориалистской и капиталистической стратегий власти позволило исследователям этой школы создать оригинальную теорию макро-социальных изменений, преодолевающую линейно-стадиальный подход к истории в марксизме и классических теориях модернизации.

Ключевые слова и фразы: власть, государство; пространство; территория; мир-империя; мир-экономика; мир-системный анализ; Валлерстайн.

Николай Петрович Проценко

Кафедра социологии, истории и политологии

*Таганрогский технологический институт - Южный федеральный университет
npr79@yandex.ru*

ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ И ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ КАК ДВА ПРИНЦИПА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЛАСТИ[©]

Исследование, в рамках которого написана данная статья, выполнено при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2011) Министерства образования и науки Российской Федерации. Проект РНП.2.1.3/9223 «Методологические и логико-семантические основы исследования социального противоречия и переходных периодов развития современного российского общества». Научный руководитель проекта – доктор философских наук, профессор В. В. Попов.

Интерес к пространственным аспектам социальной реальности – одна из наиболее значимых тенденций в современных социальных науках, она непосредственно связана с глобализацией - резким ускорением пространственных трансформаций социума на рубеже XX-XXI вв. Подход к глобализации как к феномену, имеющему пространственную природу, является одним из наиболее распространённых. Как отмечают авторы коллективной монографии «Глобальные трансформации», «глобализация может быть осмыслена как процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий, измеряемую с помощью таких показателей как их протяженность, интенсивность, скорость и воздействие, порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти» [7, с. 19]. Пространственные трансформации глобального масштаба затронули все области, на которые традиционно принято разделять жизнь общества: политику, экономику, социально-культурную сферу.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на пространственный характер макросоциальных изменений, был крупнейший американский социолог И. Валлерстайн. Центральной темой первого тома его капитального труда «Мир-система модерна» были, по словам самого автора, «пространственные отношения на глобальном уровне». Согласно Валлерстайну, картина глобального социального изменения предстаёт как

смена различных форм пространственной организации социальных систем во времени. «Крупнейшими водоразделами» человеческой истории Валлерстайн признаёт неолитическую революцию и «создание современного (*modern*) мира» [12, р. 3] в ходе «долгого шестнадцатого века», определяемого им в границах 1450-1640 гг.

Неолитическая революция - первое макроизменение в социальной истории человечества - имела следствием радикальную трансформацию пространственной структуры человеческих сообществ. Переход от охоты и собирательства к более или менее оседлым формам земледелия и скотоводства означал более высокую, чем в предшествующий период, привязку человеческого сообщества к одному и тому же пространству, концентрацию человеческих масс на ограниченной территории. Этот процесс, сопровождавшийся переходом от родовой организации социума к территориальной, становится, как показал ещё Ф. Энгельс [9], одной из важнейших предпосылок возникновения государства. Начиная с трактата Аристотеля «Политика», государство осмысливается, в первую очередь, как территориальный, т.е. имеющий пространственную природу феномен.

Согласно Валлерстайну, первой исторически доминирующей формой государственности были так называемые *миры-империи* - «обширные политические структуры», пространственно организованные по схеме «центр-периферия» и подверженные периодическому «процессу расширения и сокращения, который, похоже, является их судьбой» [3, с. 108]. Как указывает Ю. Хабермас, империя воспринимается из её центра как «диффузно-всехватывающее, не имеющее определённых границ пространство», периферия которого «теялась в бесконечности» [6, с. 16].

В современных макросоциологических исследованиях имперский тип функционирования власти чаще всего описывается термином «*территориализм*» или власть над территорией через механизмы принуждения (в первую очередь сбора дани) в рамках структуры «центр-периферия». Истощаемый характер ресурсов первоначально контролируемой территории и увеличение численности бюрократического аппарата, осуществляющего сбор и распределение дани, ведут к тому, что империи неизбежно стремятся к территориальному расширению. Эта особенность является главной причиной их недолговечности: рано или поздно расширяющаяся империя сталкивается либо с другой аналогичной структурой, либо с технической невозможностью осуществлять эффективный контроль периферии. Так, из сравнительного анализа 31 империи, проведенного американским ученым П. Турчиным, следует, что средний срок жизни империй составляет всего 260 лет. Согласно данному исследованию, 4 империи прошли полный цикл (подъем - пик - упадок) менее чем за 100 лет, 11 - в диапазоне 100-200 лет, 7 - в диапазоне 200-300 лет, 4 - 300-400 лет, 3 - 400-500 лет и лишь 2 империи (Тибетская и Ангорская) просуществовали более чем 500 лет (соответственно, 670 и 1080 лет), причём и в том, и в другом случае аномально долгим оказался период упадка (соответственно, 430 и 470 лет). Характерно, что в большинстве исследованных случаев (23 из 31) длительность периода имперского пика не превышала 100 лет со значимыми исключениями как в меньшую, так и в большую сторону [5, с. 66].

Наряду с мирами-империями, существует и другой тип функционирования власти - так называемые *миры-экономики* или «обширные неравномерные цепи из включающих производство структур, рассечённых многочисленными политическими структурами» [3, с. 115]. Если «политические» империи, по Валлерстайну, являются «примитивным средством экономического господства» [12, р. 15] центра над периферией, то в рамках миров-экономики топологическая схема «центр-периферия» локализована уже не в пределах одного политического образования, а распределена между различными территориальными единицами (Валлерстайн указывает, что миры-экономики могут включать в себя миры-империи, а также такие структуры как города-государства и нации-государства). В основе данного типа функционирования власти лежит экономический механизм неэквивалентного обмена между центром (более точно оригинальный термин “*core*” следует переводить как «ядро») и периферией: периферия поставяет в центр продукты первичного производства, а центр осуществляет производство конечной продукции с более высоким уровнем добавленной стоимости либо контролирует сети обмена данной продукцией, в первую очередь, торговлю. В связи с этим у центра не возникает необходимости в политическом контроле над периферией, поскольку центр обладает над ней властью иного - *экстерриториального* - характера. Центр осуществляет в данном случае не прямой контроль над периферией через принуждение, а опосредованный - через накопление капитала. Поэтому логика функционирования миров-экономик - это *капиталистическая* логика, её теоретическая модель предполагает максимальное накопление капитала на минимальном пространстве.

Таким образом, *противопоставление миров-империй и миров-экономик есть противопоставление принципов двух стратегий власти - территориальной и экстерриториальной (капиталистической)*. Как указывает Дж. Арриги, «территориалистские правители отождествляют власть с протяженностью и населённостью своих владений и считают богатство/капитал побочным продуктом стремления к территориальной экспансии. Капиталистические правители, напротив, отождествляют власть со степенью контроля над редкими ресурсами и считают территориальные приобретения средствами и побочным продуктом накопления капитала» [1, с. 75].

Важнейшим моментом мир-системной теории И. Валлерстайна является признание того, что территориалистские миры-империи и экстерриториалистские (капиталистические) миры-экономики существуют *одновременно* задолго до возникновения того исторического феномена, который принято называть капитализмом. В период от неолитической революции до эпохи Великих географических открытий миры-империи были, бесспорно, «сильной» формой социальной организации пространства, однако наряду с ними существовали и миры-экономики, выступавшие «слабой» формой, индивидуальной, никогда не живущей долго. Это потому, что они либо дезинтегрировались, либо поглощались миром-империей, либо трансформировались в него

(через внутреннюю экспансию единого политического целого)» [3, с. 119]. Таким образом, мир-системный анализ, классифицируя социальные системы на основе категории пространства, предлагает сильную альтернативу доктрине исторического развития как «смене общественно-исторических формаций» - как в марксистском варианте, так и в версии классических теорий модернизации (например, теории «стадий экономического роста» У. Ростоу).

Первые примеры миров-экономик, в пределах которых успешно реализуется капиталистическая логика власти, в самом деле обнаруживаются уже в Древнем мире, хотя с точки зрения классического марксизма, для этого исторического периода характерны либо «азиатский», либо «рабовладельческий» способы производства. Характерным примером античного мира-экономики является Финикия - конгломерат торговых городов-государств, сформировавшийся на побережье Средиземного моря в точке схождения трех частей света - Европы, Азии и Африки. Структура торговли Финикии позволяет утверждать, что этот конгломерат представлял собой именно мир-экономику капиталистического типа: финикийцы импортировали золото, серебро, медь, свинец, зерно, кость и другие сырьевые товары, а экспортировали готовую продукцию: изделия из стекла, крашеные ткани, металлические украшения [11, р. 38-39].

Сравнение эмпирических данных свидетельствует, что миры-экономики оказываются более долговечными пространственными образованиями, чем миры-империи, а стало быть, более успешными в смысле конкурентоспособности формами пространственной организации социума и функционирования власти. Так, финикийский мир-экономика сформировался в XII-XI веках до н.э., пережил расцвет в X-VIII веках вплоть до захвата Финикии Ассирией в 701 г. до н.э., однако ключевой город Финикии Тир сохранял независимость вплоть до первой трети VI века до н.э., после чего центр финикийского мира-экономики переместился в колонию Тира Карфаген в западном Средиземноморье. Расцвет Карфагена - военно-торговой аристократической республики - приходится на середину VII - конец III веков до н.э., причём вплоть до окончательного захвата Римом в 146 г. до н.э. он сохранял свои функции и пользовался репутацией самого богатого города Средиземноморья. Таким образом, финикийско-карфагенский мир-экономика существовал почти 1000 лет; его демонтаж стал результатом как имперской агрессии извне, так и собственных территориальных амбиций: могущество Карфагена было подорвано в ходе неудачного похода в Италию, который предпринял Ганнибал во время II Пунической войны.

Не менее показательна история крупнейшего в европейском Средневековье венецианского мира-экономики. История Венецианской республики начинается с 466 г. н.э., когда жители поселений на островах Риапьто избрали первый представительный орган. С VIII в. Венеция становится крупным центром торговли между Западом и Востоком, формально оставаясь территорией, входящей в Византийскую империю. В 1204 г. Венеция возглавляет IV Крестовый поход, но отказывается присоединить к своим владениям захваченную в результате этого предприятия Византийскую империю, тем самым подтверждая верность капиталистической логике власти. Благодаря этому вплоть до конца XV века, то есть до начала эпохи Великих географических открытий, Венеция будет контролировать торговые пути Восточного Средиземноморья. Её упадок, связанный со смещением основных торговых путей в направлении Атлантики, продолжался ещё 300 лет вплоть до оккупации Венеции Наполеоном в 1797 г. Таким образом, Венецианская республика просуществовала порядка 1300 лет, более половины из которых была центром обширного мира-экономики.

Таким образом, в школе мир-системного анализа всемирная история оказывается ареной соперничества двух типов организации власти и пространственной организации социума. Переход от эпохи доминирования миров-империй к возникновению единого капиталистического мира-экономики составляет, по мнению Валлерстайна, основное содержание всемирно-исторического процесса, начиная с рубежа XV-XVI веков. Сутью этой «великой трансформации» (используя название книги предшественника мир-системного анализа - американско-венгерского социолога К. Поланьи) стало «изобретение технологии, позволившей усилить перераспределение доходов (от нижних страт к верхним, от периферии к центру, от большинства к меньшинству) путем устранения «излишних издержек» той слишком обременительной политической надстройки, какой была империя» [12, р. 15]. Иными словами, речь идет о переходе от доминирования территориализма к доминированию капитализма как базового принципа функционирования власти в эпоху Модерна (Новое время), благодаря чему возникший в Европе капиталистический мир-экономика расширился до глобальных пределов.

Вместе с тем в этот период начинается сложное взаимодействие двух логик власти. Как показывает Дж. Арриги, пространственная экспансия европейского капиталистического мира-экономики предполагала пропорциональное увеличение территории, занимаемой державой-гегемоном. Так, первым гегемоном в мировой капиталистической системе была Генуэзская республика, ставшая в начале XVI века протекторатом Испании и фактически утратившая суверенитет, что не мешало генуэзским банкирам контролировать крупнейшие потоки капитала через так называемую систему Безансонских ярмарок [2, с. 224-229]. Однако дальнейшее расширение капиталистической системы потребовало соответствующего увеличения территории доминирующей державы и усиления её суверенитета - такова логика перехода гегемонии в мир-системе Модерна от Генуи к Голландии и далее к Англии и США.

Важнейшим следствием совмещения двух стратегий власти - территориалистской и капиталистической - стало формирование унифицированного современного государства, имеющего чётко зафиксированные в рамках международного права границы. Первоначально такие государства возникают в центре европейского мира-экономики и затем центробежно распространяются в направлении его периферии, чтобы к концу XX в. разделить между собой всю территорию земного шара [4]. Огосударствление пространства обитаемой суши

вообще стало одной из главных особенностей политической истории Модерна. Однако в эпоху глобализации территориальное государство оказывается перед лицом нового вызова экстерриториализма - со стороны так называемых сетевых структур (международных неправительственных организаций, транснациональных корпораций, сети интернет и др.), ставящих под сомнение само понятие территориальности и сопряженную с ним идею государственного суверенитета. Как отмечает российский политолог А. Чадаев, «в той мере, в которой уклад жизни всё большего количества людей «отрывается» от территориальной привязки, приобретает особый экстерриториальный характер — в той же самой мере начинает разрушаться сама основа института государственности. Это гораздо серьезнее, чем все предыдущие атаки на занимаемые государством сферы. Здесь речь идет о базисе, о том, на чём основан сам принцип разделения мира на фиксированное число территорий с государственным статусом... Даже если государство сохранится, оно неизбежно трансформируется до неузнаваемости, в такие формы, в которых от известной нам по истории системы власти останется лишь имя. Но совершенно очевидно, что спокойной, «естественной» и бескровной такая трансформация точно не будет. Мы сегодня видим лишь первые сполохи назревающей борьбы — даже не за власть, а за сам тип власти, за смену логики отношений господства и подчинения» [10].

Выходом из создавшегося положения, очевидно, должно стать освоение государством новых стратегий власти. Так, российский философ П. Щедровицкий говорит о вызревающем постнациональном государстве, которое составляют два плана: «с одной стороны — управленческое ядро, ориентированное на создание современных коммуникационных инфраструктур (систем общего пользования) и эффективное выполнение группы социальных и экономических услуг для различных общественных субъектов, проживающих на данной территории, и — с другой стороны — геокультурную и геоэкономическую периферию (зонтичную структуру политического влияния), ориентированную на обеспечение конкурентоспособности страновых ресурсов на арене (плацдарме) мировых процессов и создание глобальных инфраструктур, обеспечивающих подобное включение» [8, с. 94]. По мнению автора, наибольшие перспективы в развитии данной формы государственности – у стран с имперской традицией, имеющих значительные мультикультурные ресурсы, в том числе, у США и России. Так или иначе, та модель государственности, которая сформировалась в эпоху Модерна, сегодня стоит перед серьезными испытаниями.

Список литературы

1. **Арриги Дж.** Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
2. **Бродель Ф.** Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. М.: Языки славянской культуры, 2003. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги.
3. **Валлерстайн И.** Миросистемный анализ // Время мира: альманах. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 105-129.
4. **Тилли Ч.** Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009.
5. **Турчин П. В.** Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
6. **Хабермас Ю.** Расколотивый Запад. М.: Весь мир, 2008.
7. **Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.** Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М.: Праксис, 2004.
8. **Щедровицкий П. Г.** В поисках формы: сборник статей. М.: ФГУП «ЦНИИАТОМИНФОРМ», 2005.
9. **Энгельс Ф.** Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3-х т. М.: Политиздат, 1986. Т. 3.
10. <http://chadayev.livejournal.com/283708.html>
11. **Kinder H., Hilgemann W.** The Penguin Atlas of World History. London: Penguin Books, 2003. Vol. I.
12. **Economy in the Sixteenth Century.** New York - London: Academic Press, 1974.
13. **Wallerstein I.** The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York – London: Academic Press, 1974.

TERRITORIALITY AND EXTERRITORIALITY AS TWO PRINCIPLES OF AUTHORITY FUNCTIONING

Nikolai Petrovich Protsenko

*Department of Sociology, History and Political Science
Taganrog Technological Institute of South Federal University
npr79@yandex.ru*

The article is devoted to the specificity of considering authority and state phenomena in I. Wallerstein and his followers' school of world-system analysis. The contraposition of territorial and capitalistic authority strategies allowed the researchers of this school creating the original theory of macro-social changes overcoming linear-phased approach to history in Marxism and classical theories of modernization.

Key words and phrases: authority; state; space; territory; world-empire; world-economy; world-system analysis; Wallerstein.